

Отже, звернувшись до історії одного з афонських монастирів, Пантократор та Свято-ільїнський скит, зроблено певні висновки: Монастир Пантократор і належний йому скит є дійсно українськими; Паралельно з грецькою під час богослужінь та в побуті тут звучала й слов'янська й українська мови; В сховах монастиря зберігаються дійсно надзвичайно цінні культурні пам'ятки; Монастир Пантократор це грецька українсько-козацька скарбниця, що зберігає на грецьких землях українську істокию та культуру.

Джерела та література:

1. Григорович-Барський В. Мандри по святих місцях сходу з 1723 по 1747 р. / Василь Григорович-Барський. – К., 2000, 767 с.
2. Дабижи А. Малороссийские обители на Атоне. / князь Александр Дабижи. // Киевская старина. – К., 1893, № 1, С. 34 – 40.
3. Мак Лиз Нектария. Евлогите. / Нектария Мак Лиз. – М., 2009, 1133 с.
4. Тахиаос А-Э. Н. Возрождение православной духовности старцем Паисием Величковским / Антониос-Смилиос Николаевич Тахиаос. // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». – М. : издание московской патриархии, 1989.
5. Тахиаос А-Э. Н. Славянские рукописи Свято-Пантелеимонова монастыря (Руссик) на Горе Афон. / Антониос-Смилиос Николаевич Тахиаос. – СПб : бліц, 2012, 200 с.
6. Успенский П. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. / Парфирій Успенский.– М., 2006,–1286 с.

Брыжак О.В.

УДК 008:394.2(477.75)

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ЛЕТНИХ И ОСЕННИХ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ ФРАНЦУЗОВ КРЫМА

***Аннотация.** В статье раскрываются диалогический и онтологический смыслы календарного праздника на примере летних и осенних праздников крымских французов. Обосновывается тезис о том, что будучи одновременно самобытными и включенными в природные циклы, в карнавальные действия и повседневный труд, эти праздники помогают постичь уникальность этноса и, вместе с тем, усмотреть в них универсальные культурные смыслы, связанные с традицией, ритуалом, мифологемой*
Ключевые слова: праздник, календарный праздник, французы Крыма, диалог, онтология праздника

***Анотация.** У статті розкривається діалогічний і онтологічний смисли календарного свята на прикладі літніх і осінніх свят кримських французів. Обґрунтовується теза про те, що будучи одночасно самобутніми і включеними в природні цикли, в карнавальні дійства і повсякденну працю, ці свята допомагають осягнути унікальність етносу і, разом з тим, уледити в них універсальні культурні смисли, пов'язані з традицією, ритуалом, мифологемою*

Ключові слова: свято, календарне свято, французи Криму, діалог, онтологія свята

Summary. The article reveals the dialogic and ontological meaning of the calendar holiday, for example, summer and autumn holidays of the Crimean Frenchmen.

Specificity "productive" as wine festivals French people was thus added to the festival's grain harvest grape harvest. This indicates a constant presence in the celebration of fragments from the real life of the people, for the people of meaningful elements.

Thus, the influence of Catholicism on the calendar holidays proved to be more powerful than orthodoxy: in almost all stages of the abundant feast is celebrated quite strict prohibitions, with the exception of the harvest itself - the hard work and the results were not subject to artificial framework, in connection with which the tradition of carnival festivities most vividly reflected at a stage of harvest festival. In general, calendar holidays of Crimean Frenchmen are considered as those that fully realize the potential of a dialogical calendar holidays of particular ontology in such varieties as harvest festivals, including specific crops - such as grapes. It is grounded that being both distinctive and included in the natural cycles in the carnival and daily work, these festivals help to understand the uniqueness of the nation and, at the same time, to see in them the universal cultural meanings associated with tradition, ritual, myth

Keywords: holiday, holiday calendar, the Crimean Frenchmen, dialogue, ontology of holiday

Глобальные взаимодействия между цивилизациями, направленные на создание мегаобщества, поставили проблему сохранения культурного многообразия человечества, культурной идентичности, что имеет прямое отношение к вопросу культурной памяти, возрождения этнических традиций народов, населяющих Украину и Крым, история которого отличается сосуществованием различных этнокультурных феноменов. В данной ситуации возрастает роль праздника как одной из форм идентификации народа.

Целью публикации является выявление культурных смыслов диалогичности и включенности в природные циклы календарных праздников французов Крыма. Предметом исследования являются календарные праздники крымских французов как формы диалогического общения .

Этнический праздник выполняет особую роль в поликультурном обществе. На материале этнических праздников особенно явственно проступает диалогический потенциал народной культуры с ее «неотделимостью» от природы, мироздания в целом, от жизни общности и каждого ее субъекта. Субъект диалога не просто его участник – но реально активно действующий его носитель, позиция которого формируется под влиянием многих факторов в их сложном взаимодействии, определяющемся степенью и глубиной индивидуализации и социализации самого субъекта. Это положение имеет непосредственное

отношение к современной социокультурной ситуации Крыма, где в поликультурном обществе существует более ста культур.

В реальной действительности национальные, нравственные, религиозные, мировоззренческие, эстетические ценности, сформировавшиеся в процессе исторического развития народа, нередко несводимы к духовным ценностям других народов, непередаваемы на языки других культур, этносов, национальностей, что мы и наблюдаем в социокультурной жизни народов Крыма. Невозможно представить себе слияние подобных культурных миров и образование некоего одноструктурного, однопланового феномена. В связи с этим бесперспективна идея создания в Крыму модели этногосударства, основанного на «особых правах» некоего «коренного этноса». Происходит то, что А. Мальгин в [1] назвал «кризисом родины»: трудность разделить свою родину с другими, с представителями других этносов, каждый из которых стремится доказать свое исключительное право на историческую и культурную память: Говоря о возможностях взаимной культурной интеграции в Крыму А. Мальгин усматривает цель такой интеграции в создании «политически единого, устойчивого, бесконфликтного сообщества, которое к тому же должно обеспечить каждой из этнических составляющих возможности для сохранения и развития своей самобытности [там же, с.72]. И далее: «...общая интегральная идея для крымского сообщества представляется... прежде всего идеей общей родины, правом на которую в равной степени обладают и крымские татары, и представители славянского большинства, и локальных этнических общин, сохраняющих свою полную культурную автономию. Представляется, что лишь на этой основе мы можем построить политически единое, мультикультурное сообщество, в котором ни один из представителей этнических общин не будет чувствовать себя изгоем» [там же, с. 77-78].

Но если невозможно слияние, синтез разновекторных культурных миров, то возможно и необходимо образование многоуровневой и многоаспектной системы, своеобразия и особая ценность которой будет во взаимопроникновении, взаимопонимании, диалоге и полилоге этнических, национальных культур, находящихся на стадии расцвета, что обусловит «многоцветье» культуры Крыма. Этого можно достигнуть, отказавшись от этнической, национальной замкнутости культурных миров, используя прозрачность и доступность средств культурного общения.

Диалог культур как взаимодействие, как заинтересованное общение является для обеих сторон познавательным фактором. Одна культура, познавая другую, лучше понимает себя, свою специфику и тем самым активизирует процесс формирования собственной идентичности. Но диалог – творческое явление, основанное на доверии, на взаимном интересе, на общих и общезначимых проблемах. Культура крымских французов не относится к числу широко исследуемых феноменов (см., например, [2]). Мы постараемся отчасти заполнить эту нишу, охарактеризовав их с точки зрения их роли в полиэтническом культурном топосе Крыма.

Мы рассматриваем праздник как многомерное явление со своей выявляемой структурой и функциями как отдельных структурных элементов, так и их системы в целом. Можно выделить три основных структурных уровня праздника: субъектный, материальных носителей смыслов и ценностей и, наконец, сами смыслы и ценности. Такая структура позволяет обнаруживать явные общие элементы в праздниках разных народов.

Помимо идеи подобного структурирования, задействована также идея о диалогическом потенциале именно календарных праздников. Диалогический подход к анализу культурных феноменов развивается в философии культуры и культурологи М. Бахтиным, М. Бубером, Ю. Ломаном, другими выдающимися исследователями [3] – [5]. Диалогическая интенция календарных праздников связывается с добровольностью участия в них всех субъектов, в не навязанной ценностно-смысловой идеологии, но в смыслах и ценностях, объединяющих человека и природу. Мы полагаем, что эта сущностная характеристика календарных праздников, присущих практически всем этническим традициям и культурам, может конституировать пространство кросскультурного диалога как топос пересечений (а часто – и совпадений) ценностей, важных для разных культур.

Крым притягивал к себе внимание Франции с давних времен как центр соединения культур Востока и Европы. Уже в начале XVI века во Франции можно было познакомиться с историей нашего полуострова в издаваемых там трактатах по всемирной истории и географии. Учитывая национальные особенности этносов, населявших Крым, правдиво и интересно описана жизнь всех слоев общества.

Иммиграция французов из Европы началась в XVII и усилилась в конце XVIII века. Так появились, в большом количестве, первые французы-виноградари. Жозеф Банк за три года расширил площадь казенных виноградников, построил в Судак погреб и завод для приготовления коньяков и ликеров. В начале XIX века из 61 казенного участка возле Судака и Феодосии 27 были отданы французским виноградарям. При активном участии француза Рувье в Судак было создано первое училище виноделия. И на заводе, и в училище последующими директорами были французы.

Большая часть французов осела в городах: торговцы, предприниматели, инженеры, педагоги, военные, архитекторы, ремесленники, администраторы, ученые, артисты... Среди переселившихся было немало французов-мельников. С ними пришли в Крым водяные и паровые мельницы. Виктор Баррас (член общества) является потомком мельников Ваше из Карасубазара и Симферополя.

Имена герцога Э. Ришелье, И.П. Бларамберга, Поля Дюбрюкса, графе де Мезона, ученого Феликса де Сера, нескольких поколений больших семейств Оливов, Бертье-Делегардов и многих других французов навсегда вошли в историю развития и процветания Крыма [6].

Для французского крестьянина лето – самая важная пора года, от которой зависит все его благополучие. Во французских пословицах лето называют матерью или отцом, выражая этим особое уважительное отношение к благодатному сезону, который кормит весь год. «Кто ругает лето – ругает

своего отца», «Лето – мать бедных», «Лето собирает, а зима поедает». С сельскохозяйственными работами были связаны и многие церемонии, и отдельные обряды этого периода, продиктованные заботой о благополучии семьи.

Дни почитания отдельных святых летние месяцы служили вехами, по которым предсказывали погоду на месяц. Особенно много поговорок и предсказаний, выраженных нередко в весьма фамильярной форме, приурочены ко дню св. Медара (8 июня). Дождь в этот день предвещает продолжительное ненастье, если только св. Барнабе (11 июня) или св. Жерве (19 июня) не исправят положение.

Дожди в день св. Медара и особенно в день св. Барнабе сулят, по народным поверьям, потерю урожая на четверть или даже наполовину. Один из самых значительных праздников лета – 24 июня – день Иоанна Крестителя или, как принято называть его в народе, св. Жана. Этот день, так же, как и следующий через несколько дней праздник св. Петра и Павла (29 июня), занимает особое место в летней календарной обрядности.

Приведем его описание по выделенной нами структуре.

1. Субъекты праздника:

жители села разного возраста со своими специфическими «ролями» в обрядах.

2. Материальные носители смыслов и ценностей: время:

- день летнего солнцестояния; от кануна до дня Петра и Павла;
- доминирующая природная стихия: огонь;
- обряды, связанные с костром;
- магические предметы: остатки костра, чучело из соломы;
- ритуальные животные: ужи, жабы, петух;
- ритуальные продукты: чеснок, лук.

3. Ценностно-смысловой уровень структуры. Праздник в честь св. Жана был приурочен христианской церковью к издревле отмечаемому народами дню летнего солнцестояния. В глубокой древности сложились представления о возможности магического воздействия на природу в этот поворотный момент жизни природы.

Обряды совершались в течение семи дней: от кануна дня св. Жана до дня св. Петра и Павла. Это был особый цикл. Наиболее характерную черту цикла св. Жана составляют обряды, связанные с огнем, и особенно разжигание костров. Эти обряды совершаются с целью привлечения магических свойств огня, его очистительной, плодоносной и целебной силы на общее благо и сопровождаются народным весельем, развлечениями.

Для костра использовали чаще всего сухой хворост, дающий яркое пламя, но заботились и о том, чтобы дым от костра был густым и обильным. Для этого в костер, кроме хвороста, бросали пучки соломы, покрывали его травой или зелеными ветвями. Чтобы обратить магическое воздействие пламени и дыма на людей или скот, использовали различные приемы: нужно было сидеть или стоять возле костра с подветренной стороны, перейти через кострище, когда пламя уменьшалось, прыгать через горящий костер.

Прыгали через костер, чтобы запастись благополучием на год, предотвратить болезни, верили, что чем выше человек прыгнет над костром, тем выше вырастет пшеница. Пожилые люди ждали, когда костер погаснет, чтобы перешагнуть через кострище. Парни и девушки перепрыгивали костер попарно в надежде вступить в брак в текущем году.

Горе тому, кто по неосторожности попадет ногой в костер, это было дурным предзнаменованием. Невесты избегали такого жениха. Взавшись за руки, прыгали через костер и кумовья, отныне ничто не должно их разъединить: кумовство – синоним тесных родственных уз. Молодые женщины возлагали надежды на плодоносящие способности огня.

Чтобы предохранить детей от заразных болезней, матери качали их на руках над потухающим кострищем или заставляли их прыгать у костра. Было в обычае раскачивать над костром девушек, при этом парни старались опустить их как можно ниже к огню; это делалось, как объяснялось, чтобы не болела поясница в страдную пору. Особое значение французские крестьяне придавали окуриванию скота, «предохраняя» его таким образом от болезней, падежа, колдовских наговоров.

Согласно народным поверьям, контакт с пламенем или дымом способен усилить естественные свойства любого растения. Поэтому особенно часто прибегали к окуриванию трав и цветов, чтобы снять вредоносную силу с одних и усилить защитные и целебные свойства других. Окуривали различные виды растений: укроп, ветки орехового дерева, связки чеснока и лука. Иногда цветы и растения сжигали в пламени костра. При этом получали дым, обладающий профилактическими свойствами. В огонь бросали связки чеснока, избавляющего якобы от лихорадки; сжигали букетики тмина или белой полыни, чтобы снять боль в пояснице во время жатвы. Подобные обряды объясняются так же, как реликты жертвоприношения огню.

Иногда в костре сжигали чучело, изображавшее, быть может, определенного человека, который, по мнению коллектива, заслуживал осмеяния или наказания. Таким образом, древний обряд приобретал злободневное общественное звучание.

Иногда предавали огню жаб, ужей, чтобы избавиться от всякой скверны. Утром, когда костры догорали, каждый, принимавший участие в игрищах, старался унести домой головешку или уголек.

У догорающего костра молодежь устраивала борьбу за угли и головешки на ритуального огня. Наибольшей силой магического воздействия обладали, как полагали, части от догоревшего центрального шеста, вокруг которого обычно укладывали топливо для костра. Головешки и угли бережно хранили в течение года как оберег от молнии, пожара и всяких бед. Чтобы предохранить посевы от града и других

стихийных бедствий, головни разбрасывали на полях. Искрам, высекаемым из непогасшей головни, приписывали магическое свойство влиять на урожай. Тлеющие угольки бросали в колодец, чтобы очистить воду и чтобы вода не иссякла.

Обряд разжигания костров сохранялся довольно долго, хотя первоначальный смысл действий, совершаемых у костра, был утрачен. Для праздника св. Жана характерны были и другие обряды, связанные с огнем: вращение в воздухе зажженных дисков, скатывание с холма горящего колеса. Совершали их ради плодородия полей, благополучия семьи, предотвращения пожара. В день св. Жана молодые люди и дети обегали поля, размахивая горящими факелами.

В отдельных обрядах этого дня явно проступают черты древнего поклонения солнцу. В ночь на 24 июня совершались восхождения на холмы и горы, чтобы наблюдать восход солнца, который, согласно поверьям, в этот день необычен. Одни говорили, что при восходе солнце танцует, а другие, что оно качается или подпрыгивает, третьи видели восход трех солнечных дисков одновременно.

Важным элементом праздничного ритуала св. Жана был сбор трав и растений, совершаемый на рассвете, до появления первых солнечных лучей.

Травы собирали чаще пожилые женщины, владеющие искусством приготовления различных отваров из целебных трав, а также знахари, повивальные бабки. Для молодежи сбор трав был праздничным времяпрепровождением, поводом для веселья. Девушки в день св. Жана гадали о суженом, о его занятиях и положении. По погоде этого дня предсказывали погоду на будущее. Дождь в день св. Жана был неблагоприятным знаком.

Были и запреты. Нельзя было в этот день стирать детское белье, иначе ребенок мог заболеть или упасть в огонь; остерегались стричь овец в период со дня св. Жана до дня св. Петра [86].

После праздника св. Жана начиналась пора сенокоса, а затем жатвы.

Рассмотрим систему праздника жатвы.

1. Субъекты: жнецы, среди них: жнец, срезавший последний сноп – «король букета», выбранная им «королева» – девушка, помогавшая связать последний сноп;
2. Материальные носители смыслов и ценностей:
 - значимое время: начало и конец жатвы, его маркеры- первые и последние срезанные колосья;
 - магический предмет: букет из первых колосьев; ивовая ветвь, ленты и букеты из полевых цветов, ритуальный шест;
 - специальная пища: окорок, сосиски, вареная говядина, рагу из кролика, жареного гуся, жареный петух, лапша, пироги, оладьи, блины.
3. Смыслы и ценности праздника жатвы.

Начало жатвы и особенно ее завершение сопровождалось обрядами, в которых усматривалась и радость по поводу окончания напряженного труда, и благодарность за хороший урожай, и стремление магическими средствами обеспечить будущий урожай.

Первые срезанные колосья, так же как последние, считались наделенными особыми свойствами, способными влиять на будущий урожай. Из первых срезанных колосьев делали букет, украшали его цветами. Букет прикрепляли к потолку в доме или амбаре, иногда под навесом камина, и хранили до следующей жатвы. Очевидно, стремление сохранить первые колосья исходило из представлений о том, что в них заключена плодородящая сила зерна.

Обряды, сопровождающие завершение жатвы, более разнообразны. Когда жнецы приближались к последнему несжатому участку поля, первый работник приносил большую ивовую ветвь, украшенную разноцветными лентами и букетами из полевых цветов. Ветвь прикрепляли к шесту, который втыкали в землю посередине еще не сжатого поля. Жнецы окружали этот участок и по знаку, данному первым работником, устремлялись по направлению шеста, стараясь срезать колосья как можно быстрее. Приближаясь к центру, они подражали кукареканью петуха, а собирательницы колосьев вторили им кудахтаньем. Жнец, срезавший последние колосья, объявлялся «королем букета». Он получал право связать сноп, которым завершалась жатва, выбрать себе «королеву», и эта пара удаивалась чести идти впереди последнего воза со снопами. Девушка, помогавшая связывать последний сноп, могла надеяться найти мужа в ближайшем году и жить счастливо.

Иногда последние колосья сплетали, украшали их лентами и цветами и несли в церковь для освящения. Затем сноп ставили в центре улицы и вокруг него водили хороводы. Утрачивая первоначальный смысл, с годами обряд сохранялся, приобретая новое значение. Но всегда окончание жатвы было торжественным моментом. Все крестьяне от мала до велика собирались в этот день в поле и сопровождали воз со снопами, украшенный ветвями, букетами цветов, многоцветными лентами. Смысл обряда – прежде всего социальный – объявить всенародно о завершении определенного этапа работ.

Жатву, как и другие важные сельскохозяйственные работы, было принято завершать трапезой, которая объединяла всех, принимавших участие в труде. Общий пир сопровождался шутками, играми, песнями, танцами, давал разрядку напряжению, укреплял у его участников чувство солидарности.

Трапеза имела вполне определенное магическое назначение: вызвать изобилие, плодovitость, урожай, благополучие в семье.

Вслед за завершением жатвы наступала пора созревания плодов, которые также становились объектом народной обрядности. Заклучались они в принесении первых плодов в дар церкви и в их освящении. Это было не что иное, как трансформация обрядов глубокой древности, связанных с представлениями о священном характере первых плодов, запретом их вкушать до совершения определенного ритуала.

Например, конец августа и сентябрь – пора сбора винограда. Если жатва стала источником целого комплекса обрядов, совершаемых либо из страха перед духом растительности, либо ради благополучия

семьи и плодородия полей, то сбор винограда и виноделие в значительно меньшей степени сопровождались народными церемониями.

Тем не менее, можно выделить структуру.

1. Субъекты: виноградари.
2. Материальные носители смыслов и ценностей.
 - магические и церковные обряды;
 - специальные праздничные обычаи: мазать друг другу щеки черным виноградом;
 - праздничный карнавал;
 - особая обильная трапеза;
 - маркеры праздника: окончание сбора винограда и проба нового вина;
3. Смыслы и ценности праздника сбора винограда.

Виноградари выполняли различные магические приемы, чтобы «защитить» виноградники от потравы, от вредных насекомых и гусениц. Они соблюдали обряд подношения церкви и отдельным святым – покровителям прихода первых плодов либо незадолго до сбора винограда, либо по мере созревания отдельных гроздьев. Сбор винограда всегда проходил в атмосфере веселья. Излюбленное развлечение молодежи, дающее повод общему веселью, – обычай пачкать друг другу щеки раздавленным виноградом.

Завершение сбора винограда, как и завершение жатвы, отмечалось повсюду как праздник, с элементами карнавального веселья. Кульминационным моментом было возвращение в деревню повозки с последним собранным виноградом.

Украшенную ветвями, цветами и гроздьями виноградную повозку сопровождал нередко кортеж ряженых из числа сборщиков винограда. Последним моментом этого праздника была трапеза с изобилием вина и мясных блюд, которую устраивал каждый хозяин виноградника для всех принимавших участие в совместном труде. Шутками и шумным весельем сопровождалось и завершение отдельных этапов последующих работ, связанных с изготовлением вина.

Народные традиции устраивать трапезу по случаю окончания сбора винограда и пробу нового вина существовали всегда, они даже почти не претерпели изменений с годами.

Завершает цикл летне-осенних праздников День всех святых 1 ноября. За ним следовал траурный день – День всех усопших. Поэтому и День всех святых не был откровенно праздничным и радостным, как предшествующие ему описанные выше праздники. В День всех святых и в День усопших строго соблюдались различные запреты. Выполнение каких бы то ни было работ, даже уборка в доме, считалось предосудительным.

В эти дни не стреляли, нельзя было печь хлеб, опасным считалось отправляться в путешествие или выходить ночью из дома, так как мертвые якобы могли причинить вред. Нельзя было выгонять скот на пастбище, оставлять лошадей в ночном. Рыбаки в этот день, опасаясь несчастья, не выходили в море.

С представлениями об этих днях как траурных связаны были запреты предаваться развлечениям, даже детям запрещали играть и шуметь. В день всех святых, а в некоторых местах – и в течение всего ноября, не принято было устраивать свадьбы (см. об этом в [2]).

Специфику «урожайных» празднеств французов как винодельческого народа составил, таким образом, добавившийся к празднику сбора зерновых праздник сбора винограда. Это говорит о неизменном присутствии в празднике фрагментов из реальной жизни народа, реально значимых для народа элементов.

Таким образом, влияние католицизма на календарные праздники оказалось более мощным, чем православия: почти на всех стадиях урожайных праздников отмечаются довольно жесткие запреты, исключение составляет сама жатва – самый тяжелый труд и его результаты оказались не подвластны искусственным рамкам, в связи с чем карнавальные традиции празднества наиболее ярко отразились именно на этапе праздника жатвы [там же]. В целом же, календарные праздники крымских французов в полной мере реализуют диалогический потенциал календарных праздников, имеющих особую онтологию в такой их разновидности, как праздники сбора урожая, в том числе и специфических культур – таких, как виноград. Будучи одновременно самобытными и включенными в природные циклы, в карнавальные действия и повседневный труд, эти праздники помогают постичь уникальность этноса и, вместе с тем, усмотреть в них универсальные культурные смыслы, связанные с традицией, ритуалом, мифологемами.

Источники и литература:

1. Мальгин А. В. / А. В. Мальгин. – Модели интеграции в полиэтничных сообществах и крымский опыт. // Диалог культур : проблемы интеграции в крымском сообществе. – Симферополь : Таврия, 2002. – С. 71–78.
2. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды / Сост. Н. В. Малышева, Н. Н. Волощук. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2003. – Т. 2. – 400 с.
3. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. – Собрание починений : [в 5-ти тт]. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 7–10
4. Бубер М. Два образа веры, М. Бубер. – М. : АСТ, 1999. – 592 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
6. Французы в Крыму. История, культура и традиции народов Крыма / Ред.- сост. Ж. Амфитеатрова. – Симферополь : Изд-во Рагима Гумбатова, 2004. – 232 с.